

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЙ ТРУД О ПАТОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ¹

А. Р. ЛУРИЯ

(Москва)

Психология мышления всегда была одной из наиболее сложных частей психологической науки.

В течение долгих лет учение о мышлении почти не существовало как самостоятельный раздел психологии: его содержание чаще всего подменялось описанием логики мышления, а его психологическое исследование сводилось к анализу ассоциативных связей, мало раскрывающих собственные законы мышления. Лишь с начала этого века психология мышления стала выделяться в особую главу, но тогда ее содержание стало исчерпываться описанием основных форм интеллектуальных переживаний, логических чувств и тех состояний сознания, которые характеризуют сложную интеллектуальную деятельность.

Вот почему появление в советской психологии трудов, которые делали процессы мышления специальным предметом научного анализа, играет важную роль в развитии научной психологии. За последние 30 лет серьезный вклад в эту область был сделан Л. С. Выготским, впервые поставившим основные вопросы о развитии речевого мышления, А. Н. Леонтьевым и его сотрудниками, разработавшими вопрос о психологическом строении интеллектуальной деятельности, Б. М. Тепловым, описавшим конкретные формы мышления, и рядом других авторов, разрабатывавших учение об отдельных сторонах интеллектуальной деятельности. Сейчас к этой группе исследований присоединяется еще один серьезный труд, принадлежащий перу одного из наиболее опытных советских психологов — Б. В. Зейгарник и посвященный специальной, очень важной для психологии теме — патологии мышления.

Изучению того, как процессы мышления страдают при различных психических заболеваниях, посвящено много исследований. Однако существенный недостаток

подавляющего числа этих исследований состоит в том, что попытки анализа патологических форм мышления чаще всего либо опирались на давно устаревшие психологические теории, либо же строились на основе системы понятий, целиком оторванных от научной психологии и специально ad hoc вводимых психиатрами. К числу таких психиатрических попыток подойти к анализу нарушений мышления принадлежат широко распространенные описания многих психиатров (Крепелин, Клейст, Блейлер и др.), отрывавших анализ нарушения мышления у психически больных от психологического учения о строении интеллектуальной деятельности и выражавших наблюдаемые изменения как результат нарушения течений ассоциаций, дефектов внимания или страданий памяти, иногда — как непосредственное следствие нарушения абстракции. Однако такие попытки уложить наблюдаемые факты нарушений мышления в давно отжившие ассоциационистские схемы оказываются не в состоянии сколько-нибудь адекватно отразить то богатство материала, которое наблюдается в психиатрической клинике: подобные описания нарушения мышления не давали прочной опоры для психопатологии и не вносили нужного вклада в общую теорию мышления. Все это приводило к тому, что психиатры нередко вообще отказывались от попыток строить анализ патологических форм мышления на основе научной психологии и при описании особенностей мышления начинали обращаться к таким специально созданным в психиатрической практике терминам, как «уплощение мышления», его «вычурность», «узость», «разорванность», «бесмысленность» и т. д. Такие описания в известных пределах отражали клиническую эмпирию, но не давали никаких путей для подлинно научного анализа нарушения мышления и тем более — для изучения их физиологических механизмов.

Однако изменения мышления при патологических состояниях мозга представляют собой область, тщательное изучение

¹ Б. В. Зейгарник, М., изд-во Московского университета, 1962.

которой может дать очень много не только для научного анализа психических заболеваний, но и для самой психологической науки. Патологические состояния мозга могут нарушать различные физиологические условия, необходимые для полноценного протекания мышления, и приводить к различным формам распада интеллектуальной деятельности, при котором «патологическое... открывает нам, разлагая и упрощая, то, что заслонено от нас, слитое и усложненное в физиологической норме» (И. П. Павлов) и таким образом делает доступным для специального анализа и нормальное строение интеллектуальной деятельности.

Книга Б. В. Зейгарник и посвящена попытке дать анализ основных форм нарушения мышления, встречающихся при психических заболеваниях, построив этот анализ на основе тех представлений о структуре интеллектуальной деятельности, которые сложились в современной психологической науке. Тот огромный опыт, которым располагает автор, те продолжавшиеся почти четверть века клинико-психологические исследования, которые обобщаются в этой книге, позволяют ей взять на себя столь сложную задачу.

Логическая схема этой книги, представленная в самом общем виде, очень отчетлива.

Мышление всегда опирается на известную систему понятий, которые дают возможность отразить действительность в обобщенных и отвлеченных формах. Эта система отвлечений и обобщений дана в системе языка, который служит передаче общечеловеческого опыта и который позволяет человеку выйти за пределы непосредственных наглядных впечатлений. При некоторых формах патологии психической деятельности (например, при умственном недоразвитии или при органической деменции) возможность приобрести или использовать эту сложную систему понятий (или понятийных кодов) нарушается, и больной становится не в состоянии выполнять нужные интеллектуальные операции с той степенью отвлечения и обобщения, которая составляет необходимую основу нормального мышления. Подобный дефект приводит к тому, что операция классификации предметов, понимания системы смысловых связей, анализ логических отношений между предметами — все это начинает выполняться неадекватно, отвлеченные (категориальные) формы систематизации понятий уступают свое место конкретным, ситуационным связям, непосредственные представления о предметах и явлениях начинают преобладать над сложными, отвлеченными формами связей и мышление принимает упрощенный, наглядно-ситуационный характер. Такие формы нарушений структуры мышления встречаются у подавляющего числа олигофренов и значительного числа больных с органическими поражениями мозга.

В других случаях эти нарушения нормальной системы отвлечения и обобщения могут принять обратный характер. В силу некоторых недостаточно выясненных причин система возможных связей отрывается от наглядного опыта, вероятность появления тех связей, которые сохраняют максимальную близость к конкретной практике, снижается, существенные признаки предметов перестают выделяться из всех остальных возможных признаков. В этих случаях возникающие связи приобретают неопределенный характер, любые случайные ассоциации начинают появляться с той же степенью вероятности, как и ассоциации, упроченные в прежнем практическом опыте, и связи, которыми оперирует субъект, теряют свой избирательный характер.

Такое нарушение системы связей, на которые опирается мышление, с наибольшей отчетливостью выступает при шизофрении. Анализ обоих видов нарушения основной системы «кодов», которыми располагает мышление, составляет содержание первого раздела интересной книги Б. В. Зейгарник.

Было бы, однако, неправильным сводить все возможные виды патологии мышления только к изменению основных кодов, на которые оно опирается.

Мышление представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, состоящую из серии последовательных актов, направленных на решение тех или иных задач; оно подчинено известной цели, учитывает те условия, в которых дана эта цель, и опирается на ряд операций, с помощью которых истинная цель может быть достигнута. Для успешного выполнения этой интеллектуальной деятельности нужно не только прочно удерживать данную цель, но и постоянно осуществлять сложную программу операций, выделяемых для осуществления этой цели.

Для успешного выполнения интеллектуального акта нужно вместе с тем постоянно регулировать весь процесс решения задачи, выделяя адекватные системы связей и, отбрасывая неадекватные побочные связи, соответственно оценивать каждую операцию, если нужно, корректируя ее по ходу выполнения. Особенности выполнения такой сложной по своему строению интеллектуальной деятельности составляют структурно-динамическую характеристику конкретного интеллектуального акта.

Анализ возможных форм нарушения структуры и динамики интеллектуального акта и составляет вторую часть книги Б. В. Зейгарник.

Анализ особенностей патологически измененной интеллектуальной деятельности автор начинает с описания тех динамических нарушений мышления, которые могут возникать при колебаниях состояний корковой деятельности, и, в частности, при

истощении нервных процессов, приводящих к изменению *логического хода мышления*.

Эти нарушения мышления могут проявляться на фоне потенциально сохранных форм отвлечения и обобщения; они возникают как результат патологически измененной динамики нервных процессов и позволяют проследить те патофизиологические условия, которые приводят к изменению интеллектуальной деятельности. Они проявляются особенно отчетливо при различных факторах, ведущих к снижению нормального тонуса коры, и выступают в явлениях, в которых легко увидеть нарушение нормальной силы, уравновешенности и подвижности основных нервных процессов.

Б. В. Зейгарник специально останавливается на той неустойчивости логического хода мышления, которая возникает при патологическом ослаблении тормозных процессов; она описывает ту «скачку идей», которой характеризуется мышление маниакальных больных с типичной для них быстрой сменой связей, отвлекаемостью и легкой утерей избирательности; она описывает явления «вязкости» мышления, которая с особенной отчетливостью выступает у эпилептиков и указывает на недостаточность подвижности нервных процессов; она дает подробный анализ тех форм нарушения в выполнении заданий, смыслового анализа ситуаций, классификации предметов, которые возникают как следствие патологической инертности нервных процессов, наконец, она останавливается на той своеобразной форме нарушений мышления, которая обозначается ею не совсем удачным термином «откликаемость» и которая сводится к тому, что при патологическом оживлении ориентировочных реакций больной оказывается не в состоянии прочно удерживать весь ход рассуждений в пределах заранее установленной программы, и каждый побочный раздражитель легко нарушает эту нужную систему связей и подчиняет дальнейшее течение ассоциаций посторонним влияниям.

Описания всех этих видов нарушения динамики мышления, появляющихся при патологическом снижении активности корковой деятельности, относятся к лучшим страницам этой книги; объединение тонкого психологического описания патологически измененных форм мышления с анализом их возможных патофизиологических механизмов с особенной отчетливостью раскрывает то значение, которое имеет клиничко-психологическое исследование для анализа основных механизмов протекания мышления.

Последний раздел этой интересной монографии посвящен тем структурно-динамическим нарушениям мышления, которые, может быть, представляют особый интерес и анализ которых привлекал в последние десятилетия внимание многих исследователей. Речь идет о той форме нару-

шения структуры целого интеллектуального акта, которую автор описывает как «нарушение целенаправленности мышления». Отдельные элементы этого патологического явления можно видеть уже в тех случаях нарушения нормального тонуса корковой деятельности, которые были описаны выше; однако в наиболее отчетливых и чистых формах оно выступает в специальных видах патологии мозга и, в частности, при нарушении функций лобных отделов больших полушарий.

Как мы уже указывали выше, мышление является сложнейшей саморегулирующейся формой психической деятельности. Оно программируется задачей, возникающей перед субъектом, и предполагает постоянное сличение результатов отдельных операций с исходным намерением; на основании этого сличения и возникает та коррекция неправильных ходов, которая проявляется на всех этапах мышления и которая придает интеллектуальному акту избирательный, саморегулирующийся характер.

Такой процесс саморегуляции предполагает сложнейшую кольцевую систему связей, включающую как аппараты, программирующие интеллектуальное действие, так и постоянно работающий аппарат «обратной аферентации», без которых адекватная оценка отдельных операций (а тем более — их коррекция) была бы невозможной. Эта кольцевая система связей, по всем данным, и нарушается при некоторых формах патологии, наиболее отчетливые примеры которых можно встретить в случаях поражения лобных долей мозга.

Анализу нарушений мышления, возникающих при таких формах патологии, Б. В. Зейгарник посвящает специальный раздел своей книги. Она с полным основанием выделяет два основных момента, характерных для подобных нарушений мышления. Первым из них является возникающее в этих случаях снижение потребностей или намерений, приводящее к тому, что цель действия становится нестойкой, а ее направляющее влияние чаще вообще выпадает; вторая особенность этих нарушений мышления состоит в нарушении критической оценки результатов собственной деятельности, приводящем к тому, что постоянный контроль нормального хода мышления исчезает и коррекция допущенных ошибок выпадает.

Симптомы таких нарушений целенаправленности мышления проявляются при выполнении любых заданий и при любых формах интеллектуальной деятельности. Именно в этих случаях особенно отчетливо выступает нарушение регулирующей роли словесной системы, пристально изучавшейся в советской психологии в последние годы.

Мы еще очень мало знаем о физиологических основах этого вида нарушений мышления; однако описание его проявле-

ний получает особенно большое значение в свете того интереса к проблеме саморегулирующихся биологических систем, который возник за последнее время в проблематике исследований психической деятельности. Б. В. Зейгарник подробно описывает те изменения мышления, которые наступают при нарушении стойких намерений, детерминирующих дальнейшее протекание мышления, и при нарушении критической оценки неправильных результатов интеллектуального акта, и тем существенно обогащает психологический анализ самой интеллектуальной деятельности.

Очень сложные и трудно доступные точному анализу формы нарушения мышления, наблюдаемые в психиатрической клинике, не дают возможности провести анализ изолированных факторов, определяющих патологические изменения мышления. Существенную помощь в этом могли бы оказать анализ тех случаев, при которых изменения мышления вызываются ограниченными очагами, приводящими к изолированным нарушениям отдельных

сторон мозговой деятельности и к четко очерченным формам нарушения мышления. По такому пути идут опубликованные в последнее время работы К. Прибрама¹ — так же, как и исследования автора этих строк.

Однако, несмотря на всю сложность изучаемого материала, Б. В. Зейгарник удалось очертить основные формы возможных нарушений мышления и описать их с тонкостью, говорящей о больших возможностях, которые может дать клинико-психологический метод в руках умелого исследователя. Нет никаких сомнений, что книга Б. В. Зейгарник будет с интересом и с пользой прочитана как специалистами психопатологами, так и психологами, рассчитывающими найти в анализе патологических изменений психических процессов новые и важные данные для построения теории психической деятельности человека.

¹ К. Pribram. On the Neurology of Thinking. „Behavioral Science“, № 4 1959.